

Валерию Тодоровскому нравится жюри и продюсировать

Новые Известия 17.07.2007 25 авг. с. 7.

— ММКФ ведь не первый ваш опыт судейства на фестивалях?

— Я был в жюри «Кинотавра», «Киношока» и Нантского кинофестиваля, то есть не такой уж профессиональный «жюрист», чтобы делать обобщения. Могу сказать, что это тяжелая борьба мнений. Только там понимаешь, насколько по-разному люди смотрят на одно и то же. Вроде бы все профессионалы и должны понимать друг друга, но оказывается, что у всех разные основы и разные точки отсчета. Но мне нравится убеждать и проверять свою способность влиять на других, часто очень упертых людей.

— А вы самая упертый человек?

— Когда я ощущаю полную уверенность, переубедить меня почти невозможно. Но когда я уверен на 90%, то на 10% меня переубедить можно.

— Как была организована работа жюри ММКФ?

— По высшему разряду. В первый же день нам объявили условия нашей работы и заставили дать подписку в том, что мы будем их соблюдать. Мы обязывались присутствовать на указанных просмотрах, причем нас предупредили, что, пока жюри не будет в полном составе, сеанс не начнется. Одно это накладывает на тебя ответственность перед зрителями, ведь мы же не одни смотрим фильмы, а со всеми. И вообще мне нравится, когда игра идет по правилам, иначе начинается хаос. По условиям я должен был жить вместе со всеми в гостинице, и это было очень правильно, потому что позволяло общаться в быту. А людям, которые проводят друг с другом много времени, легче договориться. И действительно, атмосфера у нас сложилась очень доброжелательная. От Москвы все были в восторге, так что тут полный успех. Кроме того, мы подписались под тем, что не допустим разделения призов. Потому что, когда мнения не совпадают, всегда есть соблазн наградить всех претендентов. Меня очень раздражают тонны призов, которые выдаются всем подряд.

— ММКФ был этим особенно славен в советские годы. Да и почему не наградить хорошего человека?

— Фестиваль не только праздник, это еще неприятная штука, на которой есть победители и есть проигравшие. И с этим надо смиряться. Моя «Страна глухих», как вы знаете, в прошлом году участвовала в конкурсе Берлинского фестиваля и проиграла, не получила ничего. Я могу как угодно расстраиваться по этому поводу, но для меня было престижно уже участие. Кроме того, среди проигравших оказались Гас Ван Сэнт, Квентин Тарантино, Нил Джордан...

— Братья Козны и Барри Левинсон...

— С ними я готов проигрывать и дальше. В такой компании лучше проиграть, чем в другой выиграть. Но могли же в Берлине подумать: «Как же можно обидеть Тарантино? Да и братья Козны как расстроятся. А Гас Ван Сэнт — он же покочит с собой! Давайте поделим «Медведя» между нами!». Что греха таить, по такому принципу действуют наши фестивали и делают страшную ошибку...

— Какие еще были условия?

— Не разглашать во время фестиваля то, что происходит в комнате для заседаний. Не давать интервью о работе жюри. Словом, были четкие правила, и это вызвало уважение, потому что было солидно, основательно, серьезно. Думаю, что комплектование жюри — сложнейшая вещь. Казалось бы, пригласить известных людей из разных стран, разных кинопрофессий, и все. Один режиссер, один оператор, два актера и критик. Один из Венесуэлы, один из США, двое из Восточной Европы, один из Индокитая. Ан нет. Некоторых просто нельзя приглашать в жюри. Ведь основное качество человека, который берет на себя смелость судить других, — терпимость и способность принимать чужое. А все киношники — экстремисты и эгоисты, которые любят только себя и свое кино. Я не был в этом году в Канне, но французы мне говорили, что кандидатура Дэвида Кроненберга в качестве председателя жюри была крайне неудачной, потому что он тот самый узколюбый экстремист, для которого существует только его кино, а другого не бывает. Я слышал, что он начисто

На наши вопросы отвечает известный кинорежиссер, недавно побывавший членом жюри XXI ММКФ. В настоящее время под его руководством заканчиваются съемки 16-серийного телевизионного фильма по романам Александры Марининой для НТВ.

Режиссер Тодоровский-младший, вошедший в роль продюсера и судьи.

отвергает кинематограф Педро Альмодовара. В то время как все говорят, что конкурсная картина Альмодовара была просто выдающейся.

— По оценкам прессы у нее самый высокий рейтинг.

— При другом председателе жюри, видимо, она и получила бы «Золотую пальмовую ветвь»...

— А в вашей компании судьи были жесткие или гибкие?

— Может быть, даже слишком гибкий. Мне показалось, что милый и очаровательнейший Фернандо Соланас встал на капитанский мостик с ощущением, что он должен «найти решение». А решение имеет смысл искать лишь тогда, когда зашли в тупик. Вначале надо оценивать по принципу «нравится — не нравится», «увлекает — не увлекает». В противном случае начинаются взвешивания, которые не имеют отношения к искусству.

— Вы не вполне согласны с решениями?

— Я думаю, что мы ошиблись в выборе актрисы, сыгравшей главную женскую роль. У Катрин Фро была бенефисная роль — ее героиня и в школе, и в кафе, и в антикварной лавке, и в тюрьме, и дочкиного любовника соблазняет. Возможности неисчерпаемые, а она сыграла достойно и аккуратно, но не более того. Тогда как американка Сара Полли в «Гиневре» сделала нечто более тонкое и оригинальное — показала превращение маменькиной дочки в личность. Соланас в разговорах со мной соглашался. И вдруг проголосовал за французенку двумя своими голосами. Когда я его прямо спросил, почему он это сделал, он ответил, что приз актрисе означает приз самой картине, а важнее премиявать французскую картину, чем американскую.

— Кишиштоф Занусси в интервью нашей газете сказал, что ни в чем так охотно не сходятся члены международных жюри, как в том, чтобы не дать приз американскому фильму...

— Похоже на правду. Кроме того, я не был согласен со специальным призом испанской картине «Час храбрецов». Мне кажется, что это очень средний фильм с абсолютно провальным главным героем. Вплоть до последнего заседания никто о ней всерьез не говорил, а ведь мы обсуждали фильм каждый день. У меня даже возникло ощущение заговора. Когда я спросил, с чего это вдруг про него вспомнили, мне было сказано, что в фильме очень важная тема... Хотя внятно сформулировать, за что приз, так и не смогли.

— Для этого нужно особое умение. Вот, пожалуйста: «За гуманизм в освещении обоюдострой темы гражданской войны». Когда не за что давать, всегда дают за гуманизм. А фильм Кането Синдо, который получил главный приз, не

вызывал у вас возражений?

— Честно говоря, я не думаю, что это самая лучшая картина Синдо. Более того, не знаю, пошел бы я ее смотреть, если бы она шла, скажем, в Доме кино. Для просмотра она очень тяжелая. Но никуда не деться от того, что это была самая значительная картина конкурса — по замыслу, по исполнению, по уровню, по масштабу. Мне хотелось, чтобы главный приз ММКФ получила картина, которая стала бы хитом. Но такой не нашлось.

— Рассматривали ли вы Рентаро Микунни как претендента на приз за лучшую мужскую роль?

— Нет. Решили, что японскому фильму хватит «Гран-при». Если призов всего пять и делить их нельзя, надо отметить пять картин.

— Но это не эстетический, а политический аргумент.

— Конечно. С моей точки зрения, приз за лучшую мужскую роль мог получить Сергей Колтаков, но, к сожалению, жюри не очень поняло фильм Володи Хотиненко. Может быть, он слишком российский фильм. И разговор о Колтакове тут же угас.

— А по каким мотивам вы присудили приз за режиссуру исландскому «Танцу»?

— Была долгая дискуссия, что такое режиссура, в результате которой выбрали «Танец», потому что в нем создан наиболее законченный, цельный и вытнанный мир. Ничто в особенности не запоминается, но все вместе складывается в ансамбль: пейзажи, костюмы, актеры, атмосфера. Хотя это очень скучный фильм, ну очень. Кроме этой, обсуждалась мексиканская картина «Сладкий запах смерти», но она всем показалась менее цельной и менее точной.

— Что в конкурсной программе вам понравилось?

— «Фара», «Гиневра». Я с интересом посмотрел «Страстной бульвар» и финскую «Засаду», хотя она оставила у меня странное и тягостное впечатление полным рассогласованием содержания и формы. Она сделана высокопрофессионально и даже мастерски, но что это за послание к человечеству, я так и не понял. Десять горячих финских парней победили русскую армию? Было даже странно, что в Московском фестивале участвует фильм, сделанный как бы по заказу министерства обороны Финляндии.

— Меня не впечатлили профессиональные достоинства картины, но ее «мессидж» я понял так: Саарела хотел сказать, что война превращает нормальных парней в убийц, но сбился на патристическую тему.

— Возможно. Если бы в сценарии были точнее расставлены акценты и режиссер точнее понимал, ради чего он снимает, фильм был бы намного удачнее.

— По косвенным признакам мне

показалось, что во время фестиваля и сразу после него вы были более критично настроены к конкурсной программе и к работе жюри, чем сейчас...

— Я был в запальчивости, что неправильно. А по прошествии времени все встает на свои места...

— Что вы думаете о греческой картине «Затемнение»? С моей точки зрения, это был единственный фильм конкурса, снятый на современном уровне.

— Думаю очень конкретно, что в течение трех дней за монтажным столом ее можно превратить в забойный триллер длительностью в час тридцать. В ней есть все, что нужно: трагическая любовь, злодей, детективная история, полеты над Эгейским морем. Но режиссер сделал все для того, чтобы фильм вышел максимально невнятным. А где в это время был продюсер, мне вообще непонятно! Улетел, наверное, в эмпирей вместе с героем. На днях прочел фразу нашего юбиляра Альфреда Хичкока, что длинная картина напрямую связана с вместительностью мочевого пузыря зрителя — очень точно подмечено...

— Я вижу, вы уже вошли в роль продюсера. Нравится вам?

— Еще как! Работаю с огромным увлечением. В конце августа снимаем последний кадр и переходим в монтажно-тонировочный период, или постпродакшн, как сейчас говорят.

— Почему вы не участвуете в этом проекте как режиссер?

— Я просто не смогу прожить столь длинную дистанцию. Предель моей нервной системы — фильм длиной в час тридцать. На шестнадцатой серии я бы сломался и попал в больницу с нервным срывом, на чем все бы и закончилось. А быть продюсером, то есть корректировать и помогать советами, — это по мне. В роли режиссера, по-моему, очень на месте Юрий Мороз. Он и до этого снимал зрительские фильмы — «Подземелье ведьм» и «Черный квадрат»...

— Разве корректировка не дело редактора?

— Институт редакторов умер. Редактор существует на стадии сценария. А в съемочном процессе его функции взял продюсер.

— Сколько серий вы уже отсняли?

— А мы снимаем не по сериям, мы снимаем материал...

— В самом деле, я и забыл. Как же вы держите его в голове?

— Не я. Я бы не смог. А Юра Мороз держит в голове весь 16-часовой фильм, в котором снимаются 200 артистов, и точно ведет все линии.

— Используете ли вы в сериале хичкоковские приемы?

— Я с большим скепсисом отношусь к использованию приемов. Кино — это не прием. Другое дело, что все приемы, которые используются в этом жанре, так или иначе с Хичкоком связаны. Но это влияние, которых не сознаешь. Сознательные заимствования иссушают фильм. Так что о приемах думать не стоит, нужно лишь максимально точно снимать. А если занимаешься популярным жанром, то еще и максимально эффективно.

— Но в жанровом кино точностью и правдоподобием часто жертвуют ради эффекта...

— Думаю, что в жанре правдоподобно все, что интересно. А если неинтересно, то и неправдоподобно. Хотя о каком правдоподобии можно говорить применительно к сказке? Ведь жанр — это сказка. Про бандитов-разбойников, про следователя и преступника, про добро и зло...

— У Александры Марининой есть характерная особенность: она правдоподобно изображает следователей и совершенно неправдоподобно преступников. А сюжеты у нее откровенно фантастические. Но поскольку основное внимание уделено следователям, а разгадка дается скорговоркой и не успевает испортить впечатления, то ей это прощается. Хотя я не уверен, что это простится создателям сериала.

— Понимаю. Но дело в том, что в кино мы не можем позволить себе того, что она позволяет себе в прозе. Жесткость рассказа, которую подразумевает сериал, заставила нас внести коррективы в ее сюжеты. Мы стремились сохранить те особенности ее стиля, которые принесли ей успех, но саму историю рассказываем по-киношному. Вот увидите...